

Главное качество врача — внимание к пациенту

Владимир Трофимович Ивашкин дал согласие ответить на вопросы молодых сотрудников кафедры пропедевтики внутренних болезней лечебного факультета Сеченовского университета и опубликовать это интервью.

Владимира Трофимовича Ивашкина медицинское профессиональное сообщество знает прежде всего как главного гастроэнтеролога России, основателя Российской гастроэнтерологической ассоциации и Российского общества по изучению печени, академика РАН, заведующего кафедрой пропедевтики внутренних болезней Первого Московского государственного медицинского университета им. И.М. Сеченова, автора огромного количества публикаций. Однако свой путь к вершинам медицины Владимир Трофимович начал в буквальном смысле с покорения морских глубин.

Ваша самостоятельная жизнь началась практически в детстве, когда Вы поступили в Суворовское училище. Как вообще появилась эта мечта?

Это произошло совершенно случайно. Наступал Новый год, и от своих приятелей по классу я узнал, что в одной из городских школ, старинной рязанской гимназии, будет новогодний вечер. Мы договорились туда пойти. Мы были еще маленькие, в третьем классе, кажется, учились. В нашей семье было трое детей, мама одна нас воспитывала, отец погиб в 43-м году. Конечно, у всех в домах ставили елки, мамы наши их украшали. Но мы жили тогда очень скромно. А когда я пришел туда, там стояла такая елка! Огромная, сияющая! Музыка звучит, нарядные дети, родители... И вдруг я смотрю, стоит мальчик, на нем форма (сейчас опять восстановили такую): мундир с золотым шитьем, брючки с красными кантами. Я на него уставился, как вкопанный. Когда я вернулся домой, сказал: «Мама, я хочу поступить в Суворовское училище». Она пошла в военкомат, подала заявление, и потом начался очень строгий отбор: сначала были городские экзамены, в Рязани, затем областные. Сдавали арифметику и писали диктант. Потом мы приехали в Тамбов, и там снова были экзамены (по тем же предметам). У нас была очень хорошая преподаватель в школе, я до сих пор ее помню, Любовь Ильи-

нична. У нее муж и сын погибли на фронте, она жила одна. Любовь Ильинична была очень доброй и очень требовательной, воспитывала нас, учила. Тогда, по-моему, экзамены начинали сдавать уже с третьего класса. И мы были очень хорошо готовы. Поэтому вступительные испытания в Суворовское училище я прошел достаточно легко.

Какие качества Вашего характера сформировались именно благодаря учебе в Суворовском училище?

Во-первых, безусловно, внутренняя дисциплина. Во-вторых, умение переключать свою активность на решение наиболее важных актуальных задач. Наверное, трудолюбие и, бесспорно, любовь к чтению. В училище была совершенно потрясающая библиотека. Я удивляюсь до сих пор, откуда она появилась? Чего там только не было! В читальном зале, в который мы буквально набивались, были все журналы и газеты, которые выходили тогда в Советском Союзе, начиная от «Советского спорта» и кончая потрясающими научными журналами. В том числе были абсолютно новые в то время научно-популярные издания, предназначенные для широкого круга читателей, не занимающихся прицельно наукой. Благодаря одному из них я впервые самостоятельно (!) начал читать о физике элементарных частиц.

После окончания училища Вы могли продолжить обучение в военных вузах любого направления, но поступили в Военно-медицинскую академию. С чем был связан именно этот, решающий для Вас выбор?

Любое училище, в том числе и Суворовское, давало среднее образование. Я прекрасно понимал, что необходимо высшее образование. А чтобы получить его, надо было поступать, уже после определенного срока службы, в академию. Почему именно Военно-медицинская академия? В свое время мне пришлось быть в Ленинграде на зимних соревнованиях Российской Федерации по легкой атлетике (я входил в сборную Российской Федерации). Увидев Ленинград, я был, конечно, совершенно потрясен этим городом. Среди курсантов нашего выпуска я распределялся самый последний, потому что был на соревнованиях в Румынии. И когда я вернулся, начальник училища, который очень любил спортсменов и ко мне тепло очень относился, говорит: «Ну что ж ты как поздно приехал, все уже разобрано...» Посмотрел так на меня, прищурился хитровато и говорит: «Есть у меня, конечно, одно место, но это для больных, слепых, глухих... ты, наверное, туда не поедешь». Я спрашиваю: «А что это за место?» «Да, — говорит, — Военно-медицинская академия в Ленинграде». И Ленинград все перевесил! Я говорю: «Нет, я поеду». Вот так все и произошло.

Мы привыкли к выделению в штатских медицинских вузах лечебного, педиатрического, фармацевтического факультетов. В Военно-медицинской академии, которую Вы окончили, существуют факультеты подготовки врачей для сухопутных, ракетных и воздушно-десантных войск, для Воздушно-космических сил и для Военно-морского флота. Почему Вы выбрали именно военно-морской факультет?

Я приехал в Ленинград и уже на следующий день сдавал первый экзамен, писал сочинение. Еще через день сдал физику, оставалась химия. И в это время приходит приказ министра, что суворовцев, окончивших училище с золотой медалью, принимать без экзаменов. А я окончил Тамбовское училище с золотой медалью. И химию уже не сдавал. А экзамены, кстати, проходили на территории как раз военно-морского факультета. Это была бывшая Военно-морская медицинская академия, которую лет за пять, наверное, до моего поступления расформировали. Ее подразделения перешли в Военно-медицинскую академию им. С.М. Кирова, в которой и был организован военно-морской факультет. И поскольку я уже к тому времени принял военную присягу, т.е. уже был «полномасштабным» военнослужащим, мне был предоставлен полагающийся отпуск. Остальные поступившие ребята, так сказать, «неофиты», поехали в лагерь в Красном Селе. Когда я вернулся,

меня в первую очередь вызвали в мандатную комиссию и, когда узнали, что я спортсмен, сказали: «Ты же спортсмен, ну что ты пойдешь на сухопутный или ракетный, что ты там будешь делать? Давай на военно-морской факультет — там море, романтика». Мне-то все равно, откровенно говоря, было, я и согласился. То есть какой-то внутренней романтики, может, особо и не было, но, конечно, моряки отличались всегда. Мы ходили в красивой морской форме, конечно, перед девчонками «выпендривались» (*смеется*), особенно когда пятый, шестой уже были курсы, у нас нашивки разные были отличительные. Но девчонки в Ленинграде все понимали, как там и что!

В качестве начальника медицинской службы Вы проходили службу на подводной лодке в составе Северного и Черноморского флотов. Какие моря произвели на Вас самое сильное впечатление?

Да, сначала был Северный флот, а потом нас перебросили в Средиземноморскую эскадру, а оттуда уже в распоряжение начальника штаба Черноморского флота. Какие моря более впечатляющие, северные или южные? На северном море долгие выходы в точки, где на командира корабля и экипаж ложилась очень большая ответственность. Черноморский флот — там преимущественно короткие выходы. А на Средиземном море — так туда как попали, так там и находишься, пока команда не дастся, что надо вернуться на главный Северный флот или через Босфор в Черное море.

С какими заболеваниями приходилось сталкиваться чаще всего во время службы на флоте? Какие клинические случаи Вам запомнились больше всего?

На подводной лодке в основном служили молодые ребята — и моряки, и офицеры. Поэтому чаще обращались с травмами — случались падения и так далее. Были и стоматологические проблемы. Плюс поддержание жизнеспособности состава, потому что на борту подводной лодки все-таки меняется газовая среда. Но наша основная задача состояла в том, чтобы не допускать больных моряков в состав экипажа. Поэтому перед каждым большим выходом проводилась, и, я думаю, сейчас проводится, многопрофильная диспансеризация с осмотром хирургом, терапевтом, стоматологом, дерматологом и другими специалистами. Мы стремились все выявить и провести санацию до выхода в море. А когда мы возвращались из похода, то тогда на береговой базе начинались дежурства в базовом лазарете. Вот там чего только не было! Все что угодно: и роды принимали, и оперировали, и травматологических больных вели. Детская патология, иногда очень тяжелая. Я помню мальчика с крупом, как он задыхался... Вначале принял его за пациента с повторяющимся приступом бронхиальной астмы. А когда во второй раз меня

вызвали и я увидел задыхающегося малыша с самого начала приступа, понял, что это круп, и тут же дома пришлось делать трахеостомию. Слава богу, все благополучно обошлось. Потом мы привезли из базового госпиталя вакцину, провакцинировали всех детей. Так что разные случаи были.

Какие качества, на Ваш взгляд, должны быть присущи настоящему врачу?

Хороший врач — это врач, который проводит время с пациентом. Он досконально расспрашивает, собирает анамнез, всесторонне обследует. Возможно, что бывает определенный недостаток врачебной техники, врачебных знаний, но внимание к пациенту и попытка глубоко проанализировать жалобы, анамнез, в итоге компенсируют какие-то недостатки в других областях. И конечно же, хороший врач — это врач, который прежде всего любит клинику и все время учится.

Кого Вы считаете самым великим врачом?

Образцом терапевта является для меня, конечно же, Сергей Петрович Боткин, а образцом хирурга и организатора, без всякого сомнения, Николай Иванович Пирогов. Не потому, что и тот и другой работали в Военно-медицинской академии и им обоим памятники установили. А потому, что эти качества отражены в их трудах. И если подойти к нашему памятнику Н.И. Пирогову и прочитать выдержки из его сочинений, которые начертаны с четырех сторон пьедестала, то это по существу будет напутствием любому врачу. Это абсолютно неопровержимые вещи. Ну а Боткин был совершенно феноменальным доктором. После него в России врача такого уровня, наверное, уже не было. Григория Антоновича Захарьина считают великим доктором. Конечно, Захарьин был хорошим, даже выдающимся врачом, но все-таки Сергей Петрович Боткин — это действительно образец.

Кого Вы считаете своими главными учителями?

У меня учителя были выдающиеся: Александр Михайлович Уголев, создатель теории мембранного пищеварения; Федор Иванович Комаров. Время, когда я учился в Военно-медицинской академии, было ее Серебряным веком. Там была собрана такая профессура! Академия, конечно же, блистала и выделялась среди других подобных учреждений. Это было место, где все стремились лечиться. И все преподаватели, начиная с первого курса, были просто потрясающими! Хочется вспомнить профессора химии И.С. Иоффе, профессора анатомии Б.А. Долго-Сабурова, великолепных профессоров клинических кафедр. Много людей, от которых я что-то взял. Сейчас даже, наверное, трудно сказать, что конкретно, но многое, что дальше вылепило не только из меня, а из всех, кто тогда учился, собственно врачей.

Сейчас очень бурно развиваются различные медицинские технологии, создается великолепная диагностическая аппаратура. В какой мере врач должен полагаться на них, а в какой — доверять данным, полученным объективными методами; тому, чему мы учим студентов?

Понимаете, у нас есть нехорошая привычка ссылаться на Запад и говорить, что вот там, на Западе, они делают то-то и так-то. На самом деле, на Западе очень хорошо развита классическая медицина и практически все клиники Военно-медицинской академии в Петербурге и клиники здесь, на Девичьем Поле, были с самого начала построены по образцу немецких клиник. Так было потому, что все молодые профессора, как раз включая Боткина и Пирогова, очень рано проявив себя, были отправлены на стажировки именно в клиники Германии, где учились у целого ряда выдающихся врачей. Клиническое образование — это самое главное, это краеугольный камень. Студент, врач могут владеть чем угодно, всеми этими техническими новшествами, но они дают только справочный материал для какой-то конкретной ситуации. А для того чтобы врач действительно рос, он должен изучать клинику во всей ее полноте, у постели больного. И, конечно, замечательно, когда врач сочетает клиническую работу и педагогическую. Существует такое наблюдение, можно даже сказать правило: «преподающий врач знает больше, чем он знает». Ведь в процессе преподавания, когда студентам надо рассказывать материал, формируются совершенно новые оригинальные ассоциации, которые в итоге помогают преподавателю расти как врачу. Так что это все взаимосвязано.

Представим, что у нас появилась машина времени. В какую эпоху Вам ненадолго хотелось бы попасть и с кем из выдающихся врачей интересно было бы пообщаться?

Я бы хотел, может быть, побывать на медицинском факультете в каком-нибудь из итальянских университетов где-нибудь в XV столетии, на медицинском факультете в Сорбонне где-то в XVII—XVIII веке. Я, конечно, с Боткиным поработал бы в клинике и с Пироговым.

Вы очень занятой человек. Есть ли у Вас время для того, чтобы заниматься чем-то еще помимо работы?

Знаете, с возрастом отсекаются какие-то вещи, которые раньше казались очень значимыми. Моим хобби в настоящее время являются мой дачный сад и музыка.

Если бы в сутках появились дополнительные 2–3 часа, чем бы Вы их заняли?

(Смеется.) Понимаете, внуки растут, поэтому, наверное, тратил бы на них.

А как Вы предпочитаете отдыхать? Посоветуйте, как, по-Вашему, лучше это делать?

Самый лучший отдых — конечно, активный. Надо двигаться. Не обязательно изобретать что-то необычное... Прогулки на природе! Это самый лучший отдых. Ты и физически занят, и голова освобождается, и появляются интересные решения. Лично у меня все какие-то плодотворные идеи рождались всегда в процессе прогулок. Я, когда еще жил в Ленинграде, очень любил уезжать на берег Финского залива и там мог часами идти вдоль залива, по песчаному берегу. И сейчас, во время прогулок где-нибудь в парке, в голове возникают нередко важные вещи, которые потом воплощаются в жизнь. Кто-то любит отдыхать, слушая хорошую музыку.

Позвольте небольшой блиц? Ваш любимый театр?

Предпочтения меняются в зависимости от режиссера. Но все-таки из музыкальных — это Кировский (ныне Мариинский) театр. А в Москве я называл бы театр имени К.С. Станиславского и В.И. Немировича-Данченко. Что касается драматических театров, то здесь я остался однолюбом: как смотрел спектакли в Большом драматическом театре имени Г.А. Товстоногова, так и сейчас, когда бываю в Санкт-Петербурге, иду туда. Хотя там тоже все изменилось. И, конечно же, я люблю бывать в Московской консерватории.

Ваш любимый писатель?

Я очень рано увлекся Бальзаком. Потом присоединились другие классики, тоже французские — Золя, Мопассан, Пруст. А дальше уже моими основными путеводителями стали Достоевский и Толстой.

Ваш любимый композитор?

Римский-Корсаков, Чайковский, Пуччини, Доницетти, Вагнер, Штраус, очень люблю Мендельсона и, конечно же, Шопена.

Ваши любимые артисты?

Дирижер Гергиев, из скрипачей — Вадим Репин, из пианистов — Даниил Трифонов.

Любимое блюдо?

В детстве очень любил, когда мама готовила пшеничную кашу с тыквой. Тогда все нравилось, все хотелось. А сейчас — овощные салаты, рыба.

Любимое время года?

Ранняя осень.

Какие пять книг должен обязательно прочитать любой образованный человек?

Обязательно Ветхий и Новый Завет, если человек хочет понимать современную культуру. Вет-

хий Завет — основа иудейской культуры, Новый Завет — христианской. Люди, не читавшие этих книг, не могут представить себе новейшую культуру. Это — основа основ. Кроме этого, я называл бы «Илиаду» Гомера, «Божественную комедию» Данте, затем «Дон Кихота» Сервантеса и «Гаргантюа и Пантагрюэля» Рабле. Думаю, если человек одолеет эти произведения, то все остальное ему становится доступным. Дальше уже может быть бесконечное количество книг, куда фантазия и интересы поведут. Но данные книги — это ядро современной культуры.

Каким, по Вашему мнению, должен быть рабочий стол образцового врача?

Вообще образцовый врач должен идти к больному... А так, конечно, на столе у врача должны быть хорошие всеобъемлющие справочники, скажем «The Merck Manual»; «Внутренние болезни по Тинсли Р. Харрисону», фонендоскоп. По идее, неплохо было бы иметь неврологический молоточек, фонарик для осмотра ротоглотки и для определения реакции зрачков.

По Вашему мнению, сложнее быть руководителем или подчиненным?

Мне всегда было трудно быть подчиненным, но и всегда не хотелось быть руководителем, оторванным от жизни. Когда я начал работать в Военно-медицинской академии, то поставил для себя планку — хочу быть старшим преподавателем, так как эта должность давала возможность защитить докторскую диссертацию и получить звание профессора. То есть я хотел быть профессором кафедры госпитальной терапии. Для меня это было более чем достаточно. Но жизнь вносила коррективы. Сначала освободилось место заместителя начальника данной кафедры, и меня назначили на эту должность. Затем тяжело заболел начальник нашей кафедры, и я принял руководство ею. А в 1988 году освободилось место главного терапевта Министерства обороны СССР. В академию приехал Федор Иванович Комаров, который собрал всех профессоров терапевтических кафедр и устроил нам экзамен. Все начальники кафедр должны были отвечать на 200 вопросов. Мы, конечно, сначала думали, что это все в шутку, но все равно очень старались, так как на этом экзамене присутствовали начальник академии, начальник Главного военно-медицинского управления. И оказалось, что мои ответы были самыми высокими по баллам. Федор Иванович вызвал меня и сказал: «Все, едешь в Москву!» Сначала я отказывался, но он настоял.

В Москве у меня по совместительству была кафедра терапии института усовершенствования врачей на базе госпиталя им. Н.Н. Бурденко. Очень интересная работа была, ведь это гигантская многопрофильная структура. Я там проводил обходы по всем отделениям и очень многое получил в пла-

не врачебного роста. А потом Михаил Александрович Пальцев пригласил меня возглавить кафедру пропедевтики внутренних болезней. И мне больше ничего не надо! Заведование кафедрой позволяет работать с людьми, воспитывать, передавать им свой опыт, работать с больными. Конечно, есть большая ответственность, но в целом все это деятельность, которая очень интересна — и заведующему, и сотрудникам.

Владимир Трофимович, Вы — главный гастроэнтеролог России, основатель Российской гастроэнтерологической ассоциации и Российского общества по изучению печени. Вас с самого начала привлекала гастроэнтерология или Вы особенно заинтересовались ею позже?

Как врач я вырос из общего терапевта, преподавал 20 лет госпитальную терапию. Причем это было на базе окружного госпиталя, а не какого-то изолированного отделения. А что такое госпитальная терапия? Это дифференциальный диагноз, работа со студентами 5–6 курсов. Потом — кафедра терапии института усовершенствования врачей. Меня очень привлекала кардиология, я много работал с кардиологическими больными. Но когда я сюда пришел работать, мне стало понятно, что уже нельзя менять сложившуюся направленность кафедры и клиники кардинально. Поэтому я и сосредоточился преимущественно на гастроэнтерологии. Но я до сих пор остаюсь врачом общей практики. И понимаю, что остальные терапевтические отделения нам тоже необходимы. У нас есть отделение интенсивной терапии,

гастроэнтерологии, пульмонологии, кардиологии, гепатологии, отделение хронических заболеваний кишечника и поджелудочной железы. Каждое из этих отделений — это, по сути, терапевтические отделения, т. к. куда ни войдешь — есть любая смежная патология. Если придать некий импульс, то каждое из них может стать терапевтическим. В этом отношении, работая у нас, можно взять очень многое.

Основанная Вами Школа гастроэнтерологов, гепатологов РГА — это уникальное явление в медицинской жизни страны. Ей уже более 20 лет, и аудитория все расширяется, мест в огромном зале не хватает.

Людей не обмануть. Это как в театре: почему в одном аншлаги, а в другой ходят неохотно? Так же и на гастрошколе. Люди приходят и видят, что у нас атмосфера академизма. Это важнейший фактор, потому что людям нужен порядок, обязательно нужна честность и, конечно, чтобы было интересно. Наши лекторы выходят подготовленными, прекрасно говорят, на них приятно смотреть. Это все имеет немаловажное значение для аудитории.

Мы бы хотели попросить Вас дать напутствие молодым врачам и преподавателям.

Напутствие земное. Я повторю то, что мне говорил Федор Иванович Комаров: «Работайте, работайте, работайте. А слава и благополучие вас найдут». Мне кажется, это самое правильное и справедливое напутствие. Надо работать всю жизнь. И все у вас будет хорошо!

Интервью к публикации подготовили А.В. Седова, Н.Л. Джахая, О.Ю. Зольникова